

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М32

В оформлении использованы иллюстрации
Дианы Бигаевой
Дизайн обложки *Дианы Бигаевой*

ISBN 978-5-17-168166-1

© Мастер Чэнь, текст, 2023
© Диана Бигаева, ил., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Тексты из далекого. Времени, места, судьбы. Но наступает некий час — и давно любимые тексты внезапно оказываются про здесь и сейчас.

Хороший текст так устроен, что, возвращаясь к нему, ты неизменно находишь новое. Такова история про Амалию от Мастера Чэня. История, к которой хочется возвращаться.

«Время читать» — нет, мне не нравится этот девиз. «Время дышать»? Ну зачем говорить о том, что является неотъемлемой частью нашей жизни. «Время перечитывать» — тут другое. Только отдельные изысканные тексты пригодны для этого процесса. Амалия при перечитывании вдруг оказалась рядом — не таинственной гостьей из экзотического вчера, а реальной знакомой. Возникло ощущение, будто я буквально вчера читал какой-то ее пост и даже прокомментировал.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Тот самый случай, когда этой прозе, как драгоценным винам, настал черед. Если вы раньше думали, что здесь экзотика — не более чем способ вас развлечь и порадовать, перенеся в неожиданные страны и время, то теперь-то наверняка поняли, о чем это? О том, как дрожит земля, приходит новая эпоха, как рушится одна громадная и непобедимая империя и на смену ей приходит другая. Все это предсказано еще в 2008 году, когда я начал писать эту трилогию.

И вот сегодня думаешь: а не очень-то весело быть Нострадамусом. Скорее страшно. Хотя это книга об умных, грамотных и веселых людях, которые и в эпоху перемен не опускают руки, так что все у них будет нормально.

ГЛАВА 1

ДЕ СОЗА, С ВАШЕГО ПОЗВОЛЕНИЯ

Одна зеленая гадюка лежала на плече Элистера Маклина из Калькутты, вторая вяло перемещалась на его довольно лохматой голове, третья была у меня в руках, и толстая треугольная голова ее маячила в угрожающей близости от длинного лица Элистера.

Я посмотрела в это лицо и поняла, что дело идет наперекосяк. В широко распахнутых глазах моего подопечного читалось лишь искреннее детское любопытство.

— Дорогая госпожа де Соза, — сказал он с оттенком терпения, — вы хотели напугать змеей коренного жителя Индии? Даже туристы знают, что факиры зверски вырывают у своих кобр ядовитые зубы.

Змея на его плече недовольно издала ему прямо в ухо звук, подобный пению закипающего чайника. Элистер не обратил на это никакого внимания.

Будучи в сущности ехидной и зловредной тварью, номер со змеюками я готовила заранее, и весьма тщательно. Накануне неспешно пообщалась со служителями Храма Чистого Облака далеко за городом, в Сунгей Клуанге, узнав от них массу полезных сведений о ямных гадюках, так же как и о божестве чистой воды — Чор Су Куне,

мрачно взиравшем на нас в данный момент с алтаря, из дымной храмовой темноты. Научилась держать зеленых тварей в руках. Оставила храму внушающее уважение пожертвование.

И вот теперь моя жертва смотрела на меня и улыбалась.

— Да? — в отчаянии пустила я в ход последний резерв. — Вырывают зубы? А как вам вот это?

И, повинувшись нажатию пальцев, та тварь, что была в моих руках, распахнула бледно-лимонную, тошнотворно гладкую пасть, внутри которой виднелся лишь провал глотки и два небольших остреньких зуба.

— Это? — с любопытством уставился он в глубину змеиной пасти. — А это бесспорно зубы. И, судя по форме головы, перед нами бесспорно гадюка. То есть должна быть ядовита. Какая интересная проблема, дорогая госпожа де Соза.

Я посмотрела в его смеющиеся глаза, сердце мое дрогнуло, мне стало стыдно. Кусая нижнюю губу, я вежливо возложила зеленую тварь метровой длины обратно на алтарь, где она начала мрачно устраиваться среди сухих раттановых веток, скрученных там в узел специально для нее. Потом, привстав на цыпочки, я медленно освободила и голову моего подопечного, и его плечо, вернув обеих змеюк на их законное место. И осталась стоять перед Элистером в позе уныния и печали.

— Это ямные гадюки Вагнера, — сказала я наконец. — Они вообще-то очень ядовиты. Но в этом храме не кусают людей никогда. Почему — никто не знает. Они наползли сюда как только

стройка была закончена, после того как господин Браун пожертвовал шестьдесят шесть лет назад часть своей земли под храм, излечившись от какой-то болезни. И вот эти гадюки так с тех пор и живут тут, сделав это место знаменитым. Во дворе растут мангустиновые деревья, с которых они слизывают каких-то насекомых, и еще нужны лягушки, которых здесь сколько угодно. Ну, что еще? Распоряжается храмом клан хоккьенцев, хотя один мой знакомый сказал бы вам, что на классическом мандарине их следует называть «фуцзяньцы». Главный попечитель — издатель газеты «Стрейтс Эхо» Лим Сенг Хуэй, понятно, что хоккьенец. Все.

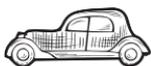
— Благодарю вас, — смиренно поклонился мне освобожденный от своего груза Элистер, и жестом предложил выйти на нещадную жару.

Я печально вздохнула и повернулась к выходу.

Это был второй удар, нанесенный мне темно-волосым гостем, которого письмо моего дальнего родственника из Калькутты рекомендовало как хотя и относительно молодого, но весьма уважаемого этнографа. «Он недавно устроился в качестве эксперта в здешнюю администрацию, — гласило письмо, — сейчас его зачем-то посылают к вам. И я не знаю лучшего, чем вы, человека, который мог бы показать ему город».

Удар номер один был нанесен за полчаса до визита в храм — сразу при знакомстве.

— Госпожа Амалия де Соза, — тщательно выговорил возвышавшийся надо мной молодой человек, не забыв сделать ударение на первом слоге фамилии.

Девяносто процентов его соотечественников в нашем городе с упорством маньяков произносят мое имя «де Суза», и с ударением на последнем слоге. Я уже заготовила для неведомого мне тогда Элистера Маклина любезный ответ, начинавшийся со слов «де Соза, с вашего позволения», и продолжавшийся комментарием к ударению — «я все-таки португалка, а не французенка».

И весь этот сценарий — ах, жизнь полна разочарований — с позором отправился туда же, куда и ямные гадюки неизвестного мне господина Вагнера, то есть на отдых.

Невысокие цементные ступеньки вели нас из храма вниз, на залитую светом не асфальтированную еще улицу. Там стояло несколько повозок, запряженных белыми быками, три-четыре рикши.

А на середине дороги лежал, скрутившись в клубок, какой-то человек, с руками, прижатыми к лицу. Китаец-пуллер склонялся над ним, упершись руками в колени. Потом он повернул к храму — и к нам с Элистером — недоумевающее, бумрое от солнца лицо.

Я, наверное, так бы и осталась стоять на ступенях, не зная, что делать, но тут Элистер вежливо освободился от моей руки и сделал несколько шагов вперед и вниз. Присел перед скрюченным в белой пыли человеком. Протянул руки, прикоснулся к ладоням лежавшего, будто бы пытаюсь оторвать их от лица. Наклонил голову еще ниже, потом встал и тронулся ко мне.

— Госпожа де Соза, а нет ли случайно в этом храме такого достижения цивилизации, как телефон? — спросил он, хмурясь.

— Без малейших сомнений, — начала я, — это совсем не бедный храм, вот, видите — идущие к нему провода, по которым уже наверняка научились шляться обезьяны...

Элистер, так же хмурясь, двинулся к храму; телефон нам показали мгновенно, в комнате, сплошь заклеенной полосками бумаги с иероглифами. Тут он вытащил из нагрудного кармана своего сафари линованный клочок с номером, pokrutil черный эбонитовый диск над перламутровым циферблатом и произнес:

— Господина Коркорана, того, который вчера прибыл из Калькутты... Корки, это Маклин. Да? Но я не об этом, как ни странно. Скажи, чтобы немедленно выслали авто с констеблем по адресу... — тут он обратил на меня серьезный взгляд.

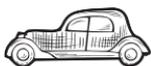
— Змеиный храм в Сунгей Клуанге, Сун — гей — клу — ан — ге, к югу от города, — повторил он за мной. — Здесь прямо напротив входа лежит убитый.

— Что? — спросила я.

— Понятия не имею, — продолжал говорить в трубку Элистер, — мы просто вышли из храма, а он лежит на дороге... Возможно, драка... Нет, ни единого шанса — он был убит мгновенно.

Я растерянно смотрела на Элистера. Тут началась суeta служителей, двинувшихся скопом на улицу, где все пуллеры рикш собрались вокруг лежавшего, тут и я зачем-то сделала несколько шагов вперед.

— Лучше не надо, — быстро сказал голос Элистера сзади, но я уже все увидела и замерла в недоумении.

Между пальцами убитого торчали рукоятки двух сложенных вместе палочек для еды. Кажется, он пытался в последние секунды жизни выдернуть их из того места, где они почему-то оказались.

Из собственной глазницы.

Тут рука Элистера крепко взяла меня за локоть и повела мимо пахнущего скотиной глинобитного сарая, туда, где между голыми пористыми стволами кокосовых пальм можно было найти подобие тени.

Нервно, отплевываясь от крошек табака, я попыталась зажечь свою «Данхилл», Элистер помог мне. Чуть успокоившись, я увидела, что служители храма встали по обе стороны убитого, отгоняя всех прочих. И подняла к Элистеру все еще окаменевшее лицо.

— Собственно, нам незачем ждать тут полицию — не мы первые его нашли, — негромко сказал он. — Если что, я расскажу вечером Корки все, что мы видели. Это настоящий полицейский. Дальше все сделают без нас. На чем тут возвращаются в город, госпожа де Соза?

— Амалия, — сказала я со вздохом. — Хотя наш остров — совсем не Америка, где переходят на имена при первой же встрече, но как-то после такой встряски хочется слышать свое имя, а не фамилию. А в город едут все на том же — на рикше. Это далековато, но таксомоторов как-то не видно. Вот этот пуллер, кажется, подкатил свою рикшу только что, он не будет нужен полиции...

И мы устроились рядышком на высоком, обтянутом кожей насесте между двух колес высотой

в рост человека (Элистер очень аккуратно подтянул свои длинные ноги куда-то к ушам). Пуллер раздвинул над нашими головами кожаную гармошку крыши, взялся за рукоятки, склонился почти к земле и тихо сдвинул рикшу с места. Я нервно оглянулась на удаляющуюся толпу посреди дороги.

— Жэнь-ли-чэ, — сказала я Элистеру, после весьма долгой паузы. — Что означает «повозка человеческой силы». Джинрикша по-английски. Вы ведь знаете, что слово «рикша» обозначает только коляску, а не того, кто ее толкает? Он — пуллер.

— Ваш английский великолепен, Амалия, но неужели вы знаете еще и китайский?

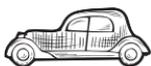
— Слов пятьдесят, не очень разбираясь, какое из них хоккьенское, какое кантонское, а какое... Они очень плохо понимают друг друга, эти китайцы, если родом из разных провинций... Боже мой, что все-таки случилось с тем человеком?

— Думаю, просто подрался с кем-то. Постарайтесь забыть о нем, Амалия, — это не наша с вами вина, так же как вы не виноваты, что змеи...

— О святой Франциск, не надо о змеях...

— Да, давайте лучше о приятном. И я не святой Франциск, я Элистер — раз уж вы Амалия. Например, давайте вот о чем — что такое ланч в вашем городе?

А город этот уже обнимал нас своими улицами — ряды оштукатуренных и побеленных колонн, повыше — деревянные ставни самой нежной раскраски, еще выше гипсовые оттиски

медальонов с каменными цветами и иероглифами и, наконец, кирпичного цвета черепичные крыши с черно-зелеными, от времени, потеками. Лучший город на земле.

— А ланч в этом городе, — перевела дыхание я, — это самая интересная из тем для разговора. Бесконечная тема. Потрясающая тема. Ну и конечно, идти здесь надо к китайцам, хотя яванцы тоже очень интересны. Малайцы не на мой вкус, ну, а индийцами вас не удивить. А вот там есть хорошее место... Куин-стрит, — сказала я в спину пуллеру, тот кивнул конической соломенной шляпой и повернул рикшу налево, в темный проход, пахнувший дымом сандаловых палочек, китайской травяной аптекой и керосином. — Вон к тому углу.

А на углу был один из здешних восхитительных «кофейных домов», где на самом деле не столько пьют кофе, сколько едят, едят много, с упоением, разборчиво и пристрастно.

Потолочный вентилятор, казалось, готов был оторваться от своего металлического шеста и упасть нам на головы или вылететь между колонн в белое сияние улицы. На чуть плесневелой стене красовались портреты короля Джорджа (веселые глаза, борода клинышком и очень много орденов) и доктора Сунь Ятсена, еще не в привычном френче, а в европейском костюме, с тростью и распушенными усами.

— Лучшее их блюдо — это самое простое ми, то есть лапша, — сказала я, подводя Элистера к столику. — А именно ми Ява. Сама лапша желтая и толстая, в мощном таком соусе, где есть томатная паста, перчик чили, луковое пюре, и еще для

густоты — чечевица, тапиоковый крахмал, да чуть ли не картошка. И это не все: подается ми Ява с большими креветками, яйцом, кальмаром в карри, и опять же картошкой, кусочками.

И тут я замолчала. Потому что пока я произносила свою вдохновенную речь, Элистер, оказывается, вытащил из бамбукового стаканчика две из пучка торчавших в нем палочек для еды, теоретически чистых, вложил их в кулак и задумчиво протыкал ими, как кинжалом, воздух: раз, другой — на уровне глаз.

Поняв, что делает что-то не то, он спохватился. Я застыла, меня начала охватывать паника. Элистер виновато бросил палочки обратно в стакан.

— Амалия, послушайте, это была не лучшая идея с моей стороны, я настоящий идиот. Я просто задумался — зачем надо было... Ну, вы же знаете, что все равно рано или поздно будете есть палочками, возможно — уже завтра, а сейчас, может быть, у них есть вилки или ложки?

— Здесь нет, это очень хорошее место, — несчастным голосом сказала я. — Там, где есть вилки и ложки, есть не советую, это значит — ресторан специально для глупых европейцев...

— Давайте вот как: выйдем, обойдем вокруг квартала и скажем себе: мы оставили прошлое позади. А потом посмотрим — если сможем, вернемся сюда и будем есть палочками, или пойдем сначала выпить в какой-нибудь европейский отель, хотя не хотелось бы этого делать на такой жаре. Или попросту купим где-нибудь ложки. Хорошо?

— Да, — сказала я. — Это маленький квартал. Обойдем его. Извините, Элистер. Не каждый день видишь покойников. У нас ведь очень тихий город, и притом что в него с каждого корабля сходит несколько десятков иммигрантов в день — не то что убийств, а даже драк нет. Сейчас у меня все пройдет.

Тощий официант, вытянувшись в струнку под портретом короля, бесстрастно смотрел, как мы выходим. Мне было стыдно. Боже мой, какой идиотский получается день — а молодой человек ведь в сущности так мил, и вот он сейчас смотрит на меня, как на героиню немого синема, заламывающую руки и закатывающую глаза.

Мы миновали уголок с таким же китайским «кофейным домиком», Элистер мрачно взглянул на него — и вдруг остановился на перекрестке, который, чуть дымя, пересекал угловатый «Форд».

Там, за перекрестком, кончались китайские лавки и начиналось совсем иное царство — с удушливым запахом жасминовых гирлянд, с умопомрачительным многоцветьем тканей в лавке, где над головой висели на плечиках ряды пенджаби и заколотых сари. Из медного цветка граммофона доносилась гнусавая трель индийских флейт.

Элистер глубоко вздохнул, уверенно вскинул голову и улыбнулся. Ноздри его раздулись.

— А вы знаете, Амалия, вот оттуда ощущается абсолютно правильный запах. Запах брияни. И я вижу, что они умеют делать лакшми-параты... Да там еще и чисто.

Над входом была мало понятная мне вывеска — Shri Ananda Bahwan. Рассматривать ее дол-

